

Станислав Сахончик

Станислав Митрофанович Сахончик родился в 1949 году в семье военнослужащих в городе Кирове. С детства интересовался военной историей. Закончил медучилище, а после срочной службы в войсках ПВО в Приморье — Владивостокский мединститут, работал ассистентом. Провёл шесть лет в качестве судового врача на танкерах 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в разминировании Красного моря в 1984 году. Ныне — эксперт-эколог, живёт в Благовещенске.

Писать и публиковаться в областных СМИ начал в 2004 году. Дважды занимал первое место на конкурсах среди непрофессиональных писателей области, печатался в журнале «Новости российского судостроения», выпустил три книги рассказов о морской службе. Основная тематика — военная история, сатирическая и юмористическая проза на военную тему. Член содружества военных писателей «Покровский и братья».

Очерки

Во второй батальон не прибыл

Моему отцу и его боевым товарищам посвящается...

118-я стрелковая дивизия, недавно прибывшая с переформирования после боёв под Тирасполем и Яссами и проделавшая большой марш из Молдавии в Польшу, была сразу переброшена на Сандомирский плацдарм. Её полки вели ожесточённые бои с отчаянно сопротивлявшимися немцами, то и дело отбивая контратаки и переходя в наступление. Потери в наступлении были большими, в стрелковых батальонах уже оставалось немного больше половины списочного состава. Резервы таяли. Маршевые роты в дивизию хотя и подходили, но сразу же направлялись в бой.

Поздно вечером лейтенанта Колесникова вызвали в политотдел дивизии. Наконец-то закончилось его затянувшееся после госпиталя вынужденное пребывание в офицерском резерве, закончились постоянные перемещения то в учебный батальон, то в гаубичную батарею и нескончаемые дежурства по штабу.

Только недавно отбили немцев, переправившихся через Вислу и пытавшихся отрезать наш плацдарм от переправ. Ожесточённые бои шли два дня, 13

и 14 августа 1944 года. Сводный батальон резерва, где Колесников временно был замполитом, несколько раз ходил в атаки, четырежды попадал под огонь немецкой тяжёлой артиллерии и отбил атаку роты «пантер», бивших прямой наводкой по их окопам.

Помогли штурмовики «Ил-2» и «катюши», нанёсшие массированный удар по наступающим танкам и пехоте. Немцев отбросили за Вислу, мало кто из них ушёл.

Зам начальника политотдела дивизии, седой как лунь подполковник Ямщиков, знавший его ещё с Калининского фронта, сказал:

— Ну что, Колесников, кончились твои «посиделки». Идёшь в 527-й полк, к майору Крюкову — у него замполит во втором батальоне, капитан Мостовой, выбыл вчера по ранению. Повезёшь с собой партбилеты, отдашь на месте парторгу полка, капитану Зеленину. Сейчас возьми предписание — и на переправу. Там колонна с боеприпасами через час в полк пойдёт, с ней и доберёшься. Мы сами завтра-послезавтра тоже на плацдарм перебазировемся... Всё, лейтенант, давай. Не подведи...

Лейтенант хорошо помнил капитана Мостового по встречам на совещаниях, последний раз виделись в местечке Луковец под Львовом, ещё в июле. Жаль, хороший мужик, ладно хоть живой остался.

Ямщиков пожал руку на прощание и отвернулся к телефону.

Лейтенант, прихватив вещмешок, шинель и полевую сумку, наскоро попрощался со знакомыми штабными офицерами и побежал на переправу через Вислу.

Там уже стояла колонна «студебеккеров», гружённых боеприпасами и готовых к отправке. Через полчаса они уже медленно двигались по прогибающейся под колёсами понтонной переправе. Хотя немцев отогнали довольно далеко, переправы ещё были в зоне действия огня немецкой дальнобойной артиллерии с флангов, и столбы воды то и дело взлетали на реке. Дня не проходило, чтобы сапёрам не приходилось сращивать настил и менять понтоны. Над переправой барражировали наши истребители, время от времени вступая в бои с немецкими пикирующими бомбардировщиками «Ю-88», пытавшимися днём и ночью прорваться к переправам под прикрытием «мессершмиттов» и «фокке-вульфов».

По обоим берегам почти колесо к колесу стояли зенитки — целый лес стволов, задранных в небо. Днём переправы закрывались дымом, машины и танки едва ползли. По серой и мутной Висле сверху густо плыли трупы наших и немецких солдат, вздувшиеся лошадиные туши, а также снарядные ящики и прочий хлам, — немцы непрерывно пытались блокировать плацдарм.

Сапёры на лодках всё это вылавливали, не давая подплыть к бонам заграждения. Поток машин, танков, самоходок, обозных фур и пехотных колонн не прекращался ни днём, ни ночью — с плацдарма готовилось наступление, накапливались силы, которых прожорливый фронт требовал ещё и ещё.

За колонной пристроились две самоходки СУ-76, шедшие из ремонта, дальше шла колонна «студеров» с зачехлёнными приземистыми, длинноствольными

ми противотанковыми 100-миллиметровыми пушками. У солдат, сидевших на снарядных ящиках, на рукавах гимнастеров были нашиты чёрные ромбы со скрещёнными стволами — отличительный знак противотанкистов.

Сержант, сидевший рядом с Колесниковым в кабине, почтительно сказал: — ИПТАП * пошёл. Отчаянные ребята — танки на прямой наводке лупят. Насквозь «тигру» прошибают. Но долго не живут.

— А кто на передке-то долго живёт? Оттуда, брат, две дороги — или в Наркомздрав, или в Наркомзем, — откликнулся шофёр.

Лейтенант не стал прерывать разговора, сделав вид, что дремлет, — такие разговоры ему, по долгу службы, нужно было пресекать, хотя сам он был с шофёром вполне согласен. Он находился на «передке» уже третий год, несколько раз за это время был ранен. И не один раз видел, как хороших бойцов за такие разговоры отдавали под трибунал и загоняли в штрафную роту. И хорошо знал, что после атаки от ещё недавно полной роты в живых остаётся в лучшем случае больше половины старого состава, а пополнение — сгорает как солома. А ему выпадает горькая участь писать «похоронки».

Колонна медленно вползла на берег, регулировщики сноровисто разогнали машины по направлениям. Лейтенанта подбросили прямо к штабным блиндажам полка. Судя по добротности и глубине, они были построены ещё немцами. Тарахтел трофейный движок, и в блиндажах было светло от ламп.

Молодой, но уже с сединой, майор Коростелёв, начальник политотдела 527-го стрелкового полка, бегло проверил документы и предписание. На карте показал дислокацию полка и батальонов, прочитал вслух последние политдонесения.

— Вот смотри, у соседей в 220-м гвардейском полку комроты лейтенант Бурба с двенадцатью солдатами, оставшимися от роты, отбил три атаки и продержался до вечера. В утренней танковой атаке подорвал лично один танк и бросился со связкой гранат под гусеницы другого. То же сделал и рядовой его роты Хлюстин. Обоих к Герою представили, посмертно. Отчаянно дерутся люди, себя не жалеют.

Потом вдруг поинтересовался:

— Непонятно, Колесников, воюешь вроде давно, училище политическое вон закончил, а для лейтенанта вроде как и староват, под сорок уже. Кем до войны-то был?

— В милиции служил, на Дальнем Востоке, в Благовещенске. Зам начальника РОВД, две «шпалы» носил, майор.

— А как на фронт попал?

— Да как обычно — добровольцем, в сорок втором году. Формировались в Сибири. Начал сержантом в разведке, подо Ржевом, на Калининском фронте. Там и ранили в первый раз. По выздоровлению — курсы политсостава, потом — политруком разведроты 91-й особой разведывательной бригады. Потом опять ранило, после вот в училище послали. Оттуда — на Третий Украинский фронт.

* ИПТАП — истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

— Ну, раз так — батальон потянешь. Комбат-два майор Ремняк — мужик опытный, с сорок первого на фронте. Народ там разный, много из ранее оккупированных местностей. Есть и из партизан. Но дерутся нормально, настроение боевое. Вчера вот две контратаки танков отбили. Уже, было, первую линию окопов фрицы прорвали, до рукопашной дело дошло. Но выбили мы их из окопов и с полкилометра ещё гнали... Танков и самоходок у немца здесь много, «пантеры» в основном, в лоб их взять трудно, да и пехота попалась настырная — панцергренадеры, вроде. Но наложили их немало, завтра на поле сам увидишь. Да и танки почти все пожгли иптаповцы, хоть и самих повыбило. Соседи наши тоже хорошо продвинулись, так что гоним гадов... Заявлений в партию много, да не всем и билеты сможем вручить. Гибнут люди. Заметь, Колесников, лучшие гибнут.

Коростелёв помолчал немного.

— Сейчас скажи дежурному, чтоб покормили, и в блиндаже рядом до утра отдохнёшь.

И передал лейтенанту карту и пакет для комбата.

— Сегодня уже поздно, пойдёшь завтра с рассветом. С тобой в батальон пойдёт взвод из пополнения, две повозки с боеприпасами, да артиллеристы из ремонта «сорокапятку» повезут. Дорога известная, вроде бы близко, но малыми группами, особенно по ночам, не ходим — сплошной обороны пока нет, только опорные пункты. Наступаем, окопы нормальные рыть некогда, вот немцы и шастают — разведчики, да ещё недобитки всякие к себе пробираются. Связь режут, мотоциклистов перехватывают. Вчера повозки с ранеными обстреляли. Так что бдительности в дороге не теряй. Захвати газеты и почту в батальон — возмёшь у дежурного. Ночью в батальон подойдёт маршевая рота и два взвода танков. Подвезут боеприпасы, два боекомплекта. Утром, при поддержке полковой артиллерии, — вперёд. Так комбату на словах передай — приказ на наступление пока пишут.

Лейтенант козырнул и вышел из блиндажа. Несмотря на ночь, фронт жил своей беспокойной жизнью — где-то постреливали пулемёты, размеренно била из-за Вислы наша корпусная артиллерия, в небе гудели ночные бомбардировщики. Он нашёл дежурного по штабу, передал распоряжения, поужинал и, положив под голову вещмешок, вздремнул на нарах.

Дневальный разбудил лейтенанта через три часа. Возле склада уже выстраивалось в две шеренги пополнение, стояли две повозки и упряжка с «сорокапяткой». Зевающие артиллеристы сидели на зарядном ящике. Кони, опустив головы в торбы с овсом, с хрустом жевали и звенели удилами.

Пополнение было частью из маршевиков (их можно было отличить по новому обмундированию, противогазам и ботинкам с обмотками) и бывалых солдат, выписанных из медсанбата, разношёрстно одетых и в трофейных сапогах. Каски были только у маршевиков. Лейтенант коротко объяснил задачу, назначил помощником старшину Ибатуллина. Проверили оружие, патроны. На повозке были два ручных пулемёта ДП, ротный миномёт, разобранный «максим», несколько ящиков с автоматами ППШ в смазке. На другой — цинки с патронами и ящики с гранатами. Себе Колесников, по совету

старшины, прихватил ППШ и три недавно появившихся войсках секторных магазина-«рожка» на тридцать патронов, затолкав их за голенища на немецкий манер. «Рожок» был удобнее, ловчее: диски от ППШ набивать было канительно — пружина часто вылетала, хотя семидесяти патронов хватало надолго.

На рассвете маленькая колонна тронулась в путь по разбитой гусеницами и колёсами грейдерной дороге, огибая воронки. Путь был недалёкий — километра четыре. На карте значились две рощи (от которых мало что осталось) и ручей. Кругом были следы недавно прошедших боёв — стояли подбитые и сгоревшие немецкие танки, было несколько наших вдребезги разбитых «тридцатьчетвёрок» — остальное, пригодное к бою, железо уже уволокли на тягачах ремонтники. Вдали окапывалась батарея гаубиц.

Судя по тому, как густо стояли немецкие танки и бронетранспортёры, они попали под удар штурмовиков и противотанковых пушек «иптаповцев». Пушки, разбитые и раздавленные гусеницами, виднелись в неглубоких окопчиках. наших солдат уже успели похоронить, немцы ещё лежали вразброс по всему полю. От танков тянуло тяжёлым запахом окалины и горелого мяса. Прямо у дороги в кювете лежал на боку немецкий полугусеничный штабной бронетранспортёр «Ганомаг», насквозь прошитый пушками штурмовика. Судя по закрытым люкам, из него никто не успел выбраться. От недалеко стоявшего штурмового орудия остались одни гусеницы и лохмотья корпуса с закопчённым крестом, — видно, сдетонировал боекомплект.

Солдаты из пополнения подавленно озирались по сторонам, глядя на трупы, слышен был только скрип колёс повозок, да что-то перекатывалось в зарядном ящике. С недалёкой передовой доносилась пулемётная стрельба, гулко ухали батальонные миномёты, — наверное, немцы опять атаковали. Начала стрелять и немецкая артиллерия, снаряды бесприцельно ложились по всему полю, поднимая фонтаны грязи и обломков. Пришлось залечь и переждать артналёт.

В небе послышался завывающий гул немецких «юнкерсов», шедших клином на бомбёжку переправ в сопровождении эскадрилий юрких «мессеров». Навстречу им кинулись наши «яки» и «лавочкины», и в рассветном небе, покрытом мелкими облаками, завязалась ожесточённая схватка. Выли на форсаже моторы, слышался приглушённый стрёкот авиационных пушек, вспыхивали факелы падающих самолётов. «Юнкерсы», освобождаясь от бомб, разворачивались назад, отчаянно отстреливаясь из бортовых пулемётов. Несколько из них уже дымились.

— То-то, суки! Это вам не сорок первый! — радостно орали артиллеристы.

Неожиданно из облаков со снижением вывалился подбитый «Юнкерс-88». Один его мотор дымил, из пробитых баков тянулся белый шлейф бензина, закрылки и колёса были выпущены, — очевидно, хотел сесть на вынужденную. Но следом вырвался «Ла-5» и, всадив в него длинную трассирующую очередь из пушек, вновь исчез в облаках, победно взревев мотором. «Юнкерс» вспыхнул, из него посыпались обломки, он по крутой дуге с воем врезался в землю. Гроыхнул взрыв. Над полем повисли два парашюта.

Солдаты радостно заорали и кинулись к снижающимся парашютистам, которых несло прямо на недалёкую рощу.

И тут из рощицы слышались пулемётные и автоматные очереди. Трёх солдат срезало сразу, остальные попадали на землю, защёлкали затворами, открыли беглый огонь вслепую по роще. Лейтенант сразу понял — это и есть недобитые фрицы, что остались от вчерашней атаки. Хотели, видать, отсидеться и прорваться к своим, да не успели.

— Ибатуллин, повозки и лошадей в кювет, пушку на прямую наводку. Командира расчёта ко мне. Всем в цепь, вести огонь по роще. Осмотреться, выяснить, сколько там немцев...

Сам достал бинокль и посмотрел на рощу. Судя по вспышкам выстрелов, немцев было немного, человек пятнадцать при двух ручных пулемётах МГ-34. Фрицы были сборные — в кустах и между деревьями мелькали чёрные шлемы и куртки танкистов, пятнистые плащ-палатки и каски панцергренадеров, комбинезоны лётчиков.

Подползли усатый сержант-артиллерист и старшина Ибатуллин.

— Осколочные снаряды есть? — спросил лейтенант.

— Штук десять. Остальное — болванки бронебойные. Мы же с собой много не возим, остальное на батарее.

— В общем, так, сержант. Бей осколочными по вспышкам, гаси пулемёты. Кончатся осколочные — бей болванками, не давай им головы поднять. Окопаться они не успели, да и патронов у них маловато для боя, на себе-то много не утащишь... Ибатуллин! Берёшь пять человек, обходишь перебежками справа, я пойду в охват слева. Одно отделение на дороге двумя пулемётами пусть прижимает фрицев, патронов не жалейте. Если что — берите цинки с повозки.

Лейтенант с пятью солдатами из бывалых перебежками от воронки к воронке побежали в обход рощицы. Рассредоточились и открыли огонь из автоматов и двух карабинов. В ответ над головами запели пули. Лейтенант, целясь по вспышкам, высадил уже пару магазинов в дымную мешанину от разрывов снарядов, вставил в автомат последний, тщательно прицелился в мелькнувшую за деревом чёрную фигурку танкиста. Над правым ухом свистнула пуля, по голове потекло горячее. Скатился на дно воронки, оцупал голову — царапина, но ладонь в крови. Пуля прошла вскользь по коже, вырвала кусок из края погона, зацепила ухо. Вроде маленькая ранка, а кровила изрядно.

— Да, невесело, — подумал он. — Ещё бы немного — и хана мне. В сорок втором в шею попали, теперь вот в ухо.

Вспомнился вдруг брат жены, Костя Дрондин, водитель броневика на финской, и его матерные частушки, что привёз с войны, с припевом: «Прощай, мама, прощай, папа, здравствуй, Кирка Кивеннапа!» Еле унёс Костя ноги из окружения под Выборгом, на ухе тоже был шрам, да и задница заморожена.

Наспех замотал голову бинтом из индивидуального пакета, поверх натянул пилотку. Выскочил из воронки и побежал к следующей, на бегу длинными очередями отстрелял последний магазин. В воронке ничком лежал убитый

Лейтенант
Митрофан Адамович
Сахончик. 1945 год

Старший сержант М. А. Сахончик (слева)
и капитан А. П. Поташев, секретарь парткомиссии
полка. Калининский фронт,
деревня Кузьмино, 5 февраля 1942 года

Страница дневника,
который вёл на фронте
М. А. Сахончик

6/III-44 Оперировали р. Вислу. На левом берегу
делали выдвиг у пруда.
6-11/III Совершили марш в направлении города Сонцево.
12/III Немцы оперировали Вислу-отесотенные бои
за переправу. Вошли из окружения и зашли
Немцы с обратной стороны. Бой длился 13-14/III
14/III 44 Четверо раз победил под артиллерией, два воле-
рела прямой наводки с танкеткой. Утром
получил назначение замкомбатом во ПТ-М. т.к.
Мостовой был ранен. До боя она я не дошел
ранен из автомата в левое бедро. Потерял
сознание. Разведчики из другой местности
сделали индивидуальным наметом перевязку и
на плацкартке покартотоме т.к. были в позицию
на КМ. Потерял удачно из санроты
прибыла подвода на которой меня и на-
равили в санроту. В санроте сделали

Украинский фронт,
Львовская область,
село Луковец,
июль 1944 года.
Совещание командного
состава дивизии.
Лейтенант Сахончик —
в третьем ряду

солдат-узбек из его группы. Запомнился по франтоватым, низко намотанным английским обмоткам. Отложил в сторону бесполезный теперь автомат, вытащил из кобуры надёжный, пристрелянный и привычный наган довоенного выпуска. Он предпочитал его пистолету ТТ и даже «парабеллуму». Привычная тяжесть в руке успокаивала.

Высунулся из воронки, огляделся. В роще сверкали разрывы снарядов «сорокапятки», летели щепки, слышались стоны и крики, огонь немцев заметно поутих. Пулемётов уже не было слышно. С другой стороны рощи огонь усилился, по звуку — наши автоматы. Значит, старшина Ибатуллин не подвёл.

Лейтенант окликнул своих. Из ближайших воронок откликнулись четверо.
— Давай, ребята! Вперёд!

Поднялись и, пригибаясь, стреляя короткими очередями, пошли. Лейтенант не стрелял, патронов в нагане было мало, берёт для рукопашной. С другой стороны рощи уже слышалось жидкое «ура!» группы Ибатуллина.

— Вроде наша берёт, — едва успел подумать лейтенант, как земля ушла из-под ног и страшная боль в левом бедре выбила его из сознания.

Очнулся уже на тряской санитарной повозке по дороге в медсанбат. Обе ноги и голова были перевязаны. Ноги не двигались.

— Всё, отвоевался, — успел подумать он, снова проваливаясь в спасительное беспамятство.

Уже в палате медсанбата к нему пришёл легко раненный старшина Ибатуллин, принёс его полевую сумку, вещмешок и рассказал, как кончился тот бой.

— Немцев выбили из рощицы и почти всех положили в открытом поле. Половина из них были офицеры и унтеры. В плен сдались только двое раненых.

Лётчиков с «юнкерса» взяли без сопротивления. На шум боя из полка прислали взвод конных разведчиков, те прочесали всю округу, нашли ещё две группы немцев, прятавшихся по блиндажам, взяли в плен, те даже и не стреляли, сразу «хенде хох».

— Разведчики тебя и довели на коне до санроты, крови ты много потерял. Автоматчика, что тебя срезал, тут же ребята и кончили. Фельдфебель был, танкист, с крестом... Давай поправляйся, а нам ещё надо на Берлин топать. Завтра опять наступаем.

Попрощались трогательно, хотя знали друг друга всего несколько часов, — на фронте время течёт по-другому...

Дальше начались уже привычные за войну скитания по поездам и госпиталям. Сначала эвакогоспиталь в городе Джаско, потом местечко Ланцуг, Львов, Проскуров. Раны в бедре чистили, заживали они плохо, держалась температура, и он часто терял сознание на перевязках. Еле отстоял ногу от ампутации. Из Проскурова санитарным поездом привезли на поправку в Кисловодск, в бывший санаторий Центросоюза.

Там его догнали письма от жены из Вятских Полян, целая пачка. Жена писала, что дети здоровы, работает по-прежнему в санчасти оборонного завода, любит и ждёт. Здесь же, в санатории, его нашли и награды — ордена Красного

Знамени и Красной Звезды, «ходившие» за ним ещё с Калининского фронта. Здесь встретил День Победы. Отсюда и демобилизовался в августе сорок пятого.

Так окончилась Великая Отечественная война для лейтенанта Дмитрия Колесникова.

Когда он, худой, с палочкой и тощим «сидором», где были немудрящие гостинцы, появился в дверях родного дома, когда на нём повисла плачущая от радости жена и двое подросших и тоже ревущих пацанов, только тогда он ощутил, что выжил в этой войне. И заплакал...

Он не выслужил на фронте больших звёзд, оставшись лейтенантом. Он просто честно прошёл в пехоте всю войну и остался жив. Это и было главным его завоеванием.

Слава ещё мальчишкой любил перебирать в шкатулке, сделанной для матери пленными немцами, отцовские награды, парадные погоны капитана МВД (отец дослуживал во внутренних войсках до 1954 г.), примерял его китель. У него, как у всех уважающих себя пацанов в леспромхозовском посёлке, было много всяких военных вещичек — в тайнике под крыльцом дома лежали трофейный фонарик «Даймонд» с разноцветными стёклами, кобура от «вальтера», ржавый корпус «лимонки», ещё более ржавый наган без барабана и куча позеленевших стреляных гильз и винтовочных патронов, выкопанных на местах боев гражданской войны. Они с приятелем Костей часто играли с пацанами в войну, и даже рыли в лесу окопы. Правда, вот немцами никто быть не хотел.

Отец скупно и неохотно рассказывал о войне, и только несколько раз — после Дня Победы, после встречи с такими же фронтовиками (тогда это были ещё молодые и крепкие мужики) — Слава услышал несколько его историй. Прихрамывал он до конца жизни.

Однажды мать достала из папки с отцовскими военными документами бережно завёрнутый в целлофан старый, побитый молью суконный офицерский полевой погон с малиновым выцветшим кантом и двумя потускневшими звёздочками. На погоне были видны какие-то бурые пятна, и с края был вырван кусок. Она и рассказала Славе эту историю.

Много позже, когда Слава уже служил в армии, прицеливаясь на стрельбище из автомата в мишень, он ощутил прикосновение изогнувшегося погона гимнастёрки к правому уху. И похолодел, вспомнив отцовский шрам и тот залитый кровью лейтенантский погон. Как близко отец был от смерти... А чуть бы левее — и его, Славы, тогда не было бы вообще.

И теперь, увидев на улице седого ветерана с медалями на пиджаке, он всегда вспоминает своего отца. Его и тех его боевых друзей из посёлка уже давно нет в живых. А отцовские награды и погоны с горящими глазами перебирает в старой семейной шкатулке Славин сын — внук того лейтенанта.

Огненный рейс капитана Киреева

Почти каждый житель Благовещенска, прибывший поездом во Владивосток, взглянув на гавань, невольно останавливает свой взгляд на красивом белоснежном судне с красными крестами, застывшем в одном ряду с грозными серыми силуэтами боевых кораблей.

Это госпитальное судно 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота «Иртыш», которым командует самый заслуженный капитан ТОФ Геннадий Иванович Киреев. Морскую службу он начал в пятнадцатилетнем возрасте, на капитанский мостик кабельного судна КС-7 встал в двадцать семь лет, на его счету множество дальних походов и участие в боевых действиях.

Капитаном танкера «Алатырь» он участвовал в обеспечении действий советского боевого флота во время эфиопско-сомалийской войны в 1977–1978 годах. Тогда транспортные суда ходили конвоями, соблюдая светомаскировку. Почти всегда под обстрелом они эвакуировали жителей из окружённых эфиопских портов Ассаб и Массауа, маневрируя между разрывами снарядов. Это требовало от капитанов напряжения всех сил, незаурядной воли и мужества. И Киреев всегда справлялся.

Но наиболее драматический из эпизодов службы Геннадия Ивановича связан с танкером «Владимир Колечицкий», капитаном которого он стал в 1985 году.

В ноябре 1985-го танкер вышел из Владивостока на боевую службу в Красное море. 13 января 1986 года судно, в соответствии с приказом, стало «на бочку» на рейде порта Аден, столицы Южного Йемена, с десятью тысячами тонн горючего в танках и тридцатью тоннами бензина в трюме и на верхней палубе. Никто из моряков и в страшном сне не мог увидеть, что случится потом.

А в Адене в это время произошёл военный переворот и развернулись настоящие боевые действия между армией и флотом, стоящими на разных политических позициях. Причиной послужило то, что по приказу генсека Йеменской социалистической партии и президента Южного Йемена Али Насера Мухаммеда его охрана прямо на заседании политбюро убила нескольких своих политических оппонентов.

В городе и на подступах к нему шли ожесточённые бои — ракетные катера обстреливали президентский дворец, им отвечали танки и артиллерия, в воздухе носились боевые самолёты, свистели снаряды, рвались ракеты. Город горел, снаряды катеров попадали в здание правительства и башню «Литтл Бен», остановив башенные часы.

В городе и окрестностях действовали две танковые дивизии. Мотопехотные бригады на автомашинах и бронетранспортёрах подходили к городу из разных гарнизонов и с ходу ступали в бой. Этими частями командовал Фаттах Исмаил*.

* Секретарь Йеменской социалистической партии, выступал за объединение с Северным Йеменом. Погиб, когда был сожжён гранатомётами бронетранспортёр, на котором его, тяжело раненного, пытались вывезти из боя.

Флот и береговые части под командованием Насера Мухаммеда сражались на другой стороне. А йеменский флот в то время представлял немалую силу — 22 корабля, дивизион ракетных катеров, две танковые роты и бригада морской пехоты. Крупнокалиберные береговые батареи, установленные ещё англичанами, развернув башни, били своими тяжёлыми снарядами по танкам. Аэродром Адена, полуразрушенный и горящий, переходил из рук в руки. По низко летящим самолётам били зенитная артиллерия кораблей и передвижные зенитные ракетные комплексы «Стрела», небо было покрыто чёрными шапками разрывов и трассами автоматических пушек. В первый же день было сбито три самолёта.

Стоявший неподалеку от «Колечицкого» йеменский средний десантный корабль с бортовым номером 138 вёл интенсивный огонь по самолётам и подбил один. В ответ этот корабль был атакован штурмовиками Су-7Б и потоплен ракетами.

«Колечицкий», пришвартованный к «бочке» в узкой аденской бухте, попал под перекрёстный огонь с обоих берегов. Правда, обе враждующие стороны опасались попасть в танкер, прекрасно понимая, что его взрыв снёс бы половину аденского порта, а горящее топливо уничтожило бы корабли в бухте и на рейде.

Однако это не мешало танкам стрелять по противнику почти между мачт «Колечицкого». В один из танков попал ответный крупнокалиберный снаряд береговой батареи. В танке взорвался боекомплект, и башня кувыркаясь пролетела над мостиком танкера и упала в море. В бухте перекрещивались огненные трассы зенитных «шилок», вставали разрывы реактивных снарядов установок «Град», горели и взрывались суда, совсем рядом с танкером тонул йеменский десантный корабль. На улицах горели десятки танков и бронетранспортёров. Это был настоящий ад.

В бой были вынужденно втянуты даже советские специалисты по ремонту орудий с владивостокского завода «Звезда». Двое рабочих и мичман под обстрелом выкатили из мастерских в районе таможни на прямую наводку противотанковую пушку и подбили шесть танков и четыре бронетранспортёра. Может быть, и не тех, кого надо, подбили, но разбираться было некогда, иначе погибли бы сами — танки и БТР шли и стреляли по ним.

В городе во время переворота, только по официальным данным, погибли двадцать две тысячи человек. Больницы были переполнены ранеными, морги — убитыми. Тысячи людей, бросив всё, уходили из горящего города. Беженцы скопились на таможенном терминале, пытаясь покинуть город на мелких судах, и гибли там от огня. Боевые корабли советской и английской эскадр стояли на дальнем рейде, пока не вмешиваясь в ситуацию. На рейде стояли и советские торговые суда «Павел Антокольский» и «Зоя Космодемьянская». В черноморский ролкер «Смоленск» попал снаряд и ранил второго механика.

Вспоминает С. А. Трунин (Благовещенск):

«Начало переворота застало меня на работе — мы монтировали системы вентиляции в госпитале Адена. В 12 часов мы поехали по домам на обед, а уже в 15 часов, выходя из дома, я увидел идущие по улицам танки и бронетранспортёры с пехотой. Нам объяснили, что в стране начался военный переворот. А дальше начался кошмар. Моя семья жила в доме на первом этаже. А

война у мусульман имеет такую особенность, что если где-то выстрелят — то начинают стрелять все. Метров за сто от нашего дома кумулятивный снаряд пробил броню у танка, и тот взорвался со всем экипажем. Танковый огонь вывел из строя электроснабжение, перестал работать водопровод. Жизнь в городе замерла. Никакой информации от посольства по поводу событий мы тогда не имели, «Красный Крест» тоже никаких мер не предпринимал. И тут, совершенно неожиданно, подошёл автобус, чтобы забрать женщин и детей для отправки в Союз. Жены и дети плакали, расставаясь с нами. А когда я зашёл в опустевшую квартиру, то даже стало страшно. Стояла ночь, не было электричества и воды, не работали холодильники (а жара 35 градусов). Мы с мужиками посоветовались и решили всё сварить и съесть, пока не испортилось, а там видно будет...

Тут вдруг снова подошёл автобус, тот же, что увозил семьи. Оказалось, что его на обратном пути обстреляли, — к счастью, никто не пострадал. На автобусе нас доставили в городок советских специалистов, где было наше руководство. Там же скрывалась и часть руководства Южного Йемена с семьями. Городок тоже обстреливали.

Приказ на эвакуацию пришёл только через сутки. Нас вывезли в район ТЭЦ, там началась погрузка на корабли, стоящие на рейде. На руки разрешалось брать не больше 20 кг. Мы выходили на мыс, там уже стояли спасательные боты и шлюпки с кораблей. Погрузились на бот, который доставил нас на контейнеровоз. Мы кое-как разместились прямо на палубе, так и шли до самого Джибути. Все обгорели на солнце. По приходе в Джибути нас сразу в автобусах привезли в аэропорт и посадили в наш Ил-86, срочно снятый с внутренних рейсов. На борту не было ни воды, ни продуктов. На нём мы добрались до Ташкента, в Благовещенск мы попали где-то 25 января 1986 года».

Три долгих дня танкер «Владимир Колечицкий» находился в центре боя, осуществляя радиосвязь с посольством (посол СССР в Адене без санкции Москвы не давал разрешения на выход, а санкции не было потому, что правительство СССР пыталось разобраться в политической ситуации в Южном Йемене и определиться, какую из сторон поддержать). И тогда капитан на свой страх и риск принял решение самостоятельно уходить из порта — 30 тонн бензина на верхней палубе могли взорваться в любой момент от случайной пули или осколка.

Но как это сделать?

Под бортом судна от огня танков прятались йеменские ракетные катера, командиры которых предупредили, что будут стрелять по танкеру, если он уйдёт, лишив их прикрытия. Кроме того, 160-метровый танкер ограничен в самостоятельном, без буксиров, маневрировании в портах в силу своих конструктивных особенностей. Развернуть в тесной бухте судно такой длины с одним винтом — это во всех флотах мира считается практически невозможным (многие опытные капитаны в это после не могли даже поверить).

Но капитан Киреев, спасая судно и экипаж, ушёл из бухты ночью, обрубив швартовы и невероятным манёвром, буквально «на пятке», развернувшись

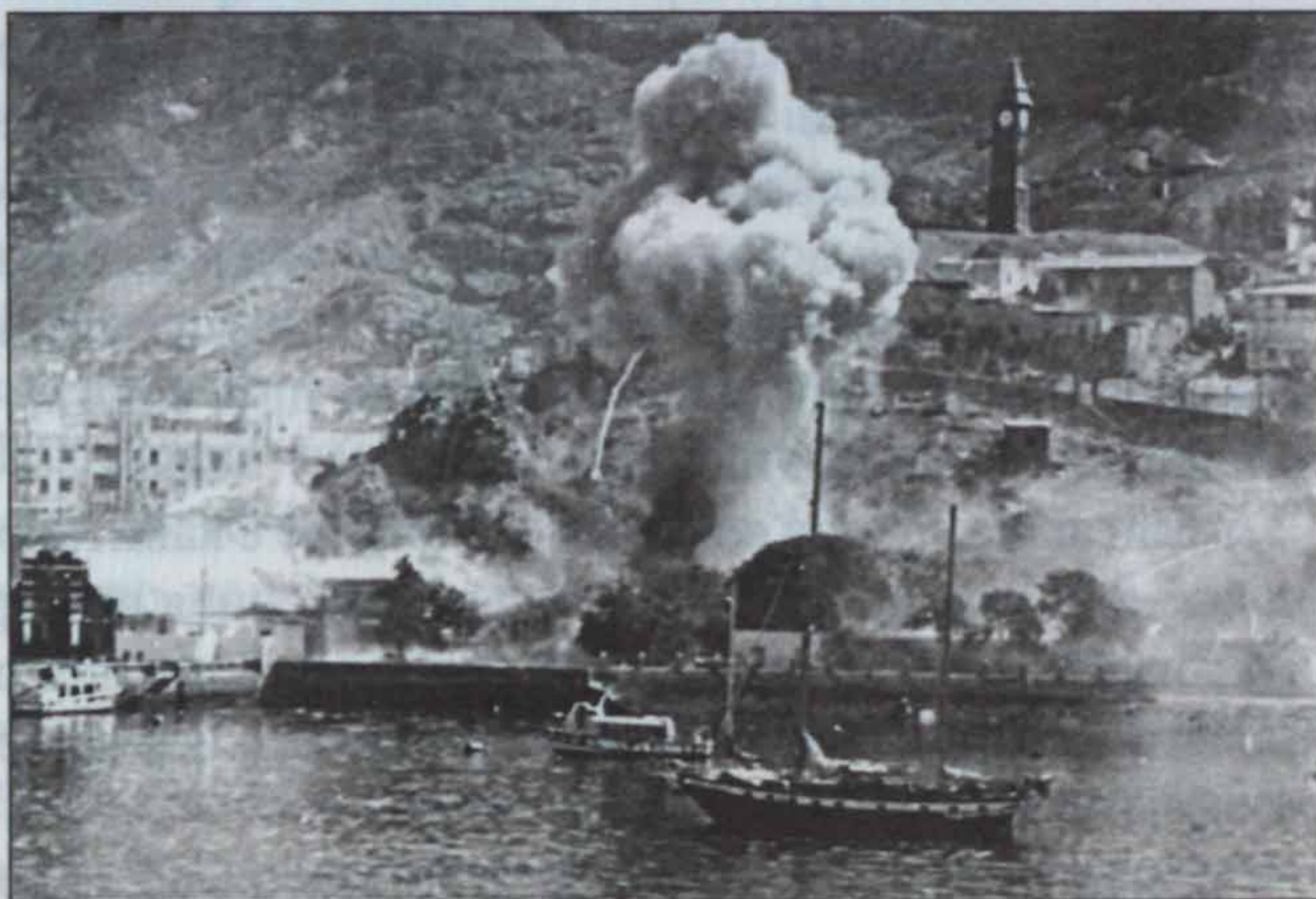

Капитан
Геннадий Иванович Киреев
(справа) и начальник
радиостанции
Владимир Николаевич
Анищенко.
Госпитальное судно «Иртыш»,
2009 год

Танкер «Владимир Колечицкий».
Суэцкий залив, 1984 год

Боевые действия в Адене.
Январь 1986 года

Аден, январь 1986 года. Ракетный катер йеменских ВМС под прикрытием борта танкера «Владимир Колечицкий» (справа) ведёт огонь по президентскому дворцу

Рабочий катер танкера
«Владимир Колечицкий» перевозит эвакуированных из Адена

без буксиров. Второй помощник Вячеслав Чуприн и матрос Юрий Голубчук, укрываясь за фальшбортом от пуль, ползком подобрались к кнехту и разрезали толстые швартовные тросы. Моряки смертельно рисковали. Спасло от огня снайперов и то, что танкер был построен по военному проекту, с частично бронированной рубкой и бронестёклами, а огонь вёлся в основном по капитанскому мостику и с большого расстояния. Но что чувствовал экипаж, находясь под огнём в состоянии полной неопределённости, — догадаться нетрудно.

Маневрируя реверсом машины в свете пожаров (маяки были подбиты), капитан Киреев с трудом вывел танкер в море.

После выхода в море начальник радиостанции Владимир Анищенко восстановил связь с эскадрой и Москвой (антенны были перебиты пулями). На запрос Москвы, что же происходит в Адене, капитан Киреев просто выставил трубку в иллюминатор радиорубки — грохот боя говорил сам за себя.

Лично министр обороны СССР по прямой связи поставил капитану Кирееву задачу: найти дрейфовавшие в море без горючего катера с нашими военными советниками, покинувшими свои части, и вернуть советников на берег.

Он нашёл катера и потом высадил военных советников обратно на берег — выполнять свой воинский долг, как надлежит советским офицерам. Они попали в гражданскую междоусобицу, в которой брат шёл на брата, а недавние сослуживцы безжалостно истребляли друг друга, — это была не их война, но они воевали и гибли на ней.

Ещё одна группа советников во главе с капитаном первого ранга А. С. Мионовым и йеменских офицеров, вынужденная выбирать на свой страх и риск, захватила лоцманский катер и вышла в море под огнём и практически без горючего. Они были близки к гибели, когда их катер был обнаружен советским военным кораблём.

Затем танкер «Владимир Колечицкий» ещё неделю (так и не разгрузившись) спасал беженцев и раненых, забирая их из района нефтезавода. В эвакуации участвовали гражданские суда, боевые корабли советской 8-й оперативной эскадры и английские корабли — эсминец «Ньюкасл», фрегат «Юпитер», океанографическое судно «Гидра» и королевская яхта «Британия». Геннадий Иванович после вспоминал, как на его глазах одна из шлюпок с «Британии» взлетела на воздух от прямого попадания снаряда, как погибли английские моряки и беженцы. Потом погибла ещё одна шлюпка с королевской яхты. Боевые советские и английские корабли вели редкий ответный артиллерийский огонь по берегу.

Моряки под пулями и танковыми снарядами на спасательных шлюпках и рабочих катерах перевезли на корабли и суда почти шесть тысяч человек. На танкере были задействованы все шлюпки и два катера. Людей, в основном женщин и детей, увозили на другую сторону Аденского пролива — в порт Джибути, находящийся в десяти часах хода. Оттуда советских граждан самолётами отправляли в Ташкент. Спасли также и персонал болгарского посольства.

Начальник радиостанции «Колечицкого» Владимир Анищенко, установив по радио наличие советских специалистов-нефтяников, забытых в районе Мукаллы, информировал об этом капитана, и ещё около ста человек было спасено моряками танкера.

Второй рейс за беженцами был немного спокойнее первого — обошлось без стрельбы, но из-за мелководья люди в шлюпки и катера добирались с берега по пояс в воде. Детей моряки несли на себе. Танкер ещё несколько раз участвовал в эвакуации, пока не вывезли всех.

Капитану Кирееву не впервой пришлось побывать под огнём. На танкере «Алатырь» в схожих обстоятельствах он эвакуировал жителей эфиопского порта Массауа и ходил в конвоях по побережью. Да и «Владимир Колечицкий», тогда под командованием Владимира Ивановича Колесникова, в эфиопско-сомалийскую войну тоже не раз был под обстрелом, доставлял воду и продукты в окружённые города и вывозил беженцев. До аденского инцидента танкер «Колечицкий» в составе отряда кораблей Черноморского флота участвовал в операции международных сил по разминированию Красного моря в августе-сентябре 1984 года. Тогда вертолётами противолодочного крейсера «Ленинград» и тральщиками было обнаружено и уничтожено 10 мин, расчищены фарватеры близ Адена и восстановлено судоходство в Баб-эль-Мандебском проливе.

Хотя руководство эскадры представляло моряков к наградам за эвакуацию беженцев из Адена, представления затерялись где-то в дебрях канцелярий. В результате никаких наград и поощрений Геннадий Иванович и другие моряки танкера не получили (хотя 16 человек были им представлены к орденам и 22 — к медалям). И участниками боевых действий они (как, впрочем, и все моряки вспомогательного флота) до сих пор так и не считаются. Только йеменское правительство наградило капитана медалью «За боевые заслуги».

Да и, наверное, не из-за наград капитан Киреев ходит в море. Это его призвание, его жизнь, вся без остатка отданная родному флоту. Хотя орденов и медалей на его кителе вполне достаточно. Ведь одних только рейсов продолжительностью больше года у него за двадцать. Он командовал и крупнейшим на российском флоте океанским буксиром-спасателем «Фотий Крылов» — снимал с рифов и мелей суда в Атлантике и Средиземном море, тушил пожары.

Сорок шесть лет Геннадий Иванович на капитанском мостике — это говорит само за себя лучше всяких слов. Его высочайший профессионализм, честность и ответственность востребованы на Тихоокеанском флоте — он до сих пор командует судном, выходит в море капитаном-наставником на ответственные задания командования.

Большой морской танкер «Владимир Колечицкий» также ещё находится в строю Тихоокеанского флота и базируется в бухте Артур. Но в море уже не ходит. Возраст для судна пенсионный, но порядок на нём поддерживается флотский. Я сам три года прослужил на этом танкере и ушёл с флота как раз перед тем самым рейсом. Но там, в огне Адена, были мои друзья, люди, которых я отлично знал, с кем вместе были пройдены тысячи миль на боевой службе. Многие из них до сих пор служат в Военно-морском флоте, и я считаю своим долгом рассказывать, как могу, об их нелёгкой и опасной службе.

Расстрелянный остров

В смутные годы развала СССР, когда от великой империи отваливались кусками целые государства, мало кто обращал внимание на потерю военных и военно-морских баз на территориях стран Африки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, некогда с таким трудом создававшихся. Было не до них. А ведь с этих баз советский флот контролировал ситуацию в Мировом океане, особенно в районе Африканского Рога, оказывая сдерживающее влияние на политическую ситуацию в мире уже одним фактом своего существования. Нынешней России базы почему-то уже не нужны. Уходят в прошлое и драматические истории их возникновения и их ликвидации. Это большой исторический пласт, ещё требующий своего изучения. Это и люди, рисквавшие своей жизнью, многие из которых сегодня незаслуженно забыты в суматохе перестройки и развала страны.

В этой главе рассказывается о судьбе военно-морской базы на острове Нокра архипелага Дахлак в Красном море, у берегов Эфиопии.

СОЗДАНИЕ БАЗЫ

Предыстория возникновения базы уходит корнями в эфиопско-сомалийскую войну 1977 года. Сомалийские войска, в своё время обученные советскими инструкторами и хорошо оснащённые советским оружием, вторглись в мятежную эфиопскую провинцию Огаден, жители которой постоянно восставали против центрального эфиопского правления. Тогдашний президент Сомали Сиад Барре попытался заручиться в этом политической поддержкой Кремля, но получил решительный отказ и прекращение военного сотрудничества. Уже в июне-июле 1977 года СССР начал поставки в Эфиопию военной техники морским путём — только за три месяца этого года около пятидесяти судов Советского Союза и стран Варшавского договора прошли через Суэцкий канал в порт Ассаб, доставив в общей сложности 60 тысяч тонн грузов. Транспортные суда после выхода из Суэцкого канала конвоировались военными кораблями. В дальнейшем советский флот активно участвовал в переброске контингента кубинских войск, которые под руководством советских военных советников разгромили вторгшиеся сомалийские части.

Сомалийцы, по недавнему примеру Египта, быстро переориентировались на США, денонсировали договор с Советским Союзом и дали трёхдневный срок для эвакуации советских и кубинских специалистов. К тому времени в Сомали насчитывалось (вместе с семьями) свыше двух тысяч советских граждан.

В порт Бербера (где находилась тогда совсем недавно образованная наша база) 13 ноября 1977 года пришли большой десантный корабль «Крымский комсомолец» с батальоном морской пехоты, другие боевые корабли и вспомогательные суда. Местные власти попытались воспрепятствовать эвакуации с целью

захвата военного имущества, но артиллерийский огонь советских кораблей и высадка морского десанта с танками мгновенно нейтрализовали эту попытку.

То же самое произошло и в порту Могадишо, куда пришёл большой десантный корабль «50 лет шефства ВЛКСМ» — огонь и десант быстро отрезвили сомалийцев, жаждавших захватить склады с имуществом и оборудованием.

Морякам и десантникам удалось вывести из окружённой Берберы плавучий док «ПД-66», плавбазу, суда обеспечения, часть оборудования и складов вооружения, но портовые сооружения, узел связи, станция слежения, огромный топливный терминал и две авиабазы достались сомалийцам. Новым местом для базы выбрали небольшой остров Нокра в эфиопском архипелаге Дахлак в Красном море. Архипелаг этот насчитывает свыше сотни островов, многие из них необитаемые.

Вывезенные из Сомали плавучий док, плавбаза и оборудование стали основой пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) на Дахлаке, основательно засекреченного и практически неизвестного широкой общественности нашей страны до самого его закрытия в 1991 году. Конечно, советские военные и торговые моряки, ходившие в этих широтах, знали о ней, но предпочитали в Союзе особо не распространяться.

УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ

База на архипелаге Дахлак сыграла немаловажную роль в сдерживании действий флотов западных стран во время эфиопско-сомалийской войны и боевых действий в провинции Эритрея. А война на суше была страшной. По свидетельству одного из советников командующих фронтом генерал-лейтенанта Н. Забелого, от воюющей эфиопской дивизии (12 тысяч человек) за неделю боёв оставалось не более двух-трёх тысяч. Тела убитых не успевали убирать. Гибли и советские военные специалисты — в бою сложно быть только советником.

Советские боевые корабли и суда обеспечения оказали существенную помощь правительственным эфиопским войскам в сдерживании наступления эритрейских сепаратистов, пока шла война. Они защищали морские перевозки в порты Ассаб и Массауа, в случае необходимости поддерживали правительственные войска огнём корабельной артиллерии и участвовали в эвакуации беженцев.

Так, в декабре 1977 — январе 1978 года эсминец «Веский» оказывал артиллерийскую поддержку в боях с сепаратистами у порта Массауа (16 членов экипажа были награждены), там же участвовали в боях сторожевик «СКР-23», средние десантные корабли «СДК-109», «СДК-82» и большой десантный «Крымский комсомолец» и суда обеспечения 8-й оперативной эскадры. Морские перевозки транспортов и судов обеспечения проходили как конвойные операции — под постоянной угрозой нападения.

Морские тральщики Тихоокеанского флота «Контр-адмирал Першин» и «Контр-адмирал Хорошкин» обеспечивали безопасность наших судов в районе

Баб-эль-Мандебского пролива, периодически вступая в морские бои с боевыми катерами и вооружёнными шхунами сепаратистов.

Официально пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) на Дахлаке (остров Нокра, бухта Губбет-мус-Нефит) был образован в результате Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Эфиопией 1978 года. На острове Нокра были оборудованы причалы, хранилища топлива и воды, склады, судоремонтная база, жилые помещения и казармы, медпункт, баня и вертолётная площадка. Был плавучий док «ПД-66», стоявший в самом начале бухты Губбет-мус-Нефит, плавмастерская «ПМ-129» из Петропавловска-Камчатского. Основной задачей базы были ремонт и обеспечение подводных лодок и кораблей 8-й оперативной эскадры, действующих в зоне Индийского океана. Кроме того, на базе ремонтировались боевые корабли и катера эфиопского флота, получившие повреждения в боях с «москитным» (состоявшим из небольших катеров) флотом сепаратистов. Там же, на торговом судне, находился плавучий склад боеприпасов эфиопских ВМС.

Дахлак во времена итальянской оккупации Эфиопии в 1936–1941 годах был знаменит своей каторжной тюрьмой. Из неё никому не удалось убежать: земля, выжженная солнцем, кишела ядовитыми змеями, а море и коралловые рифы вокруг — акулами, которым, по преданию, скармливали заключённых.

Правда, от тюрьмы оставалось немного — кусок стены с гордой надписью «Слава морской пехоте ВМФ СССР!», складское здание, да в проливе Урания на двадцатиметровой глубине лежал потопленный в войну итальянский транспорт. На островах архипелага жили и местные аборигены из племени афаров. Несмотря на суровые условия жизни, это было место отдыха экипажей советских боевых кораблей, судов обеспечения, атомных и дизельных подводных лодок.

Здесь можно было после дальних морских переходов ощутить под ногами твёрдую землю, снять психологическое напряжение, искупаться, запастись нехитрыми сувенирами — кораллами и ракушками. Разумеется, о каких-либо роскошных условиях жизни речи не шло: хронически не хватало кондиционеров, вода, привозимая танкерами из Адена, имела неприятный вкус, а от удушающей жары негде было спрятаться — на каменистом острове, кроме чахлах пальм и верблюжьей колючки, ничего не росло. И только в сезон дождей на короткое время остров бушевал зеленью. Жизнь и служба на Дахлаке были гораздо тяжелее, чем на советских базах в Анголе и Вьетнаме, где наши специалисты размещались в благоустроенных военных городках, оставленных португальцами и американцами.

ОСТРОВ ПОД УГРОЗОЙ

В начале 1980 года возникла угроза деятельности нашего ПМТО на Дахлаке со стороны Сомали и эритрейских сепаратистов из Народного фронта освобождения Эритреи (НФОЭ). Необходимо было принимать меры по защите.

В марте 1980 года на остров Нокра прибыл на большом десантном корабле батальон морской пехоты Тихоокеанского флота, высадивший на берег взвод

охраны (15 человек), две зенитные самоходные установки (ЗСУ «Шилка») и взвод переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК «Стрела»). После года службы тихоокеанцев сменили морские пехотинцы Черноморского флота. Была оборудована взлётно-посадочная полоса, на которую периодически садились вертолёты из Асмары, где была база противолодочной и военно-транспортной авиации. Аэродром в шутку прозвали «Шереметьево-3».

Тем временем военно-политическая обстановка вокруг ПМТО продолжала ухудшаться. В марте 1984 года сепаратисты НФОЭ захватили порт Мерса-Фатма, разгромили крупнейшую эфиопскую базу снабжения в Афабете, произошёл военный путч в Аддис-Абебе, мятеж эфиопских войск в Асмаре. Это немедленно отразилось и на положении советских военных моряков.

31 мая 1988 года в проливе Массауа-Северный катерами эритрейских сепаратистов впервые был обстрелян танкер Балтийского флота «Олёкма», где был убит начальник радиостанции. Катера сепаратистов периодически совершали ракетные обстрелы архипелага Дахлак, обстреливали и захватывали иностранные суда, идущие в порты Эфиопии. В связи с чем с июня 1988 года на острове Нокра стали постоянно базироваться наши артиллерийские катера охранения, патрулировавшие архипелаг и периодически вступающие в бой с катерами сепаратистов.

Катера эритрейцев, несмотря на малые размеры, представляли собой серьёзную силу — манёвренные, скоростные, вооружённые 107-миллиметровыми безоткатными орудиями, крупнокалиберными пулемётами «Браунинг» и установками «Град-ПИ», они контролировали проливы, нападали на конвои и обстреливали базу.

Немало вреда доставляли и джонки с пластиковыми корпусами, дизелями «Ямаха» и экипажами из трёх человек, внезапно появлявшиеся из-за многочисленных островов и так же внезапно исчезающие после обстрела кораблей из крупнокалиберных пулемётов и безоткатных орудий. Они были особо опасны, так как имели стеклопластиковые корпуса и почти не давали «засветки» на экранах радаров, и только очень опытный глаз мог их различить на фоне островов архипелага.

В феврале 1990 года сепаратисты Народного фронта освобождения Эритреи (НФОЭ) захватили главную базу эфиопского флота — порт Массауа. Была захвачена и матчасть бригады береговой артиллерии, в том числе 130-миллиметровые орудия СМ-4-1 с дальностью стрельбы 28 километров, что позволило сепаратистам беспрепятственно обстреливать острова архипелага.

Сначала стреляли бесприцельно, но постепенно огонь стал корректироваться разведывательно-диверсионными группами, высаженными на необитаемые острова, и местной агентурой. Снаряды всё чаще стали попадать в цель — район ПМТО, огневые позиции и места дислокации эфиопских частей, соседние острова.

Корабли военно-морских сил Эфиопии и остатки её разбитых воинских частей были перебазированы в порт Асаб и — с согласия советского правительства — на остров Нокра, что сразу перенесло боевые действия на архипелаг Дахлак. Туда же срочно эвакуировались и лётчики советской авиагруппы из

Асмары, оставив технику, имущество и запасы. Их противолодочные самолёты Ил-38, транспортные Ан-26 и вертолёты Ми-8 были уничтожены в результате нападения диверсантов.

Война вплотную подошла к базе.

12 февраля остров Нокра и архипелаг начала систематически обстреливать дальнобойная артиллерия с полуострова Бури. К тому времени на ПМТО находились тральщик, большой десантный корабль Тихоокеанского флота и ряд судов обеспечения. Возникла и угроза высадки десанта эритрейцев на архипелаг, к чему остров не был готов — никаких серьёзных фортификационных сооружений и запасов боеприпасов, кроме штатного боекомплекта, там просто не было предусмотрено. Для усиления наземной обороны с десантного корабля была высажена десантно-штурмовая рота морской пехоты капитана А. Семькина.

Эфиопская армия и флот также активно оборонялись. Эфиопской авиацией было проведено несколько бомбардировок позиций береговой артиллерии, нанесены удары крылатыми ракетами «П-15» с ракетных катеров. Сторожевики и патрульные катера постоянно вступали в схватки с эритрейским «москитным» флотом.

В войне участвовали даже местные жители, доведённые до отчаяния постоянными обстрелами. Однажды ночью афары на своих лодках подошли к береговой батарее эритрейцев и, сняв часовых, вырезали всех, взорвав орудия. Но все эти меры уже не могли повлиять на ситуацию.

ВОЙНА НА МОРЕ

А в Красном море тем временем начались настоящие сражения. При конвоировании танкера «Иман» Черноморского флота, доставлявшего горючее и пресную воду из Адена, морской тральщик «Разведчик» и артиллерийский катер «АК-312» ответным огнём уничтожили три из четырёх атаковавших катеров сепаратистов. За тридцать рейсов, совершённых СМТ «Иман» в составе конвоев, только один прошёл без обстрела реактивными снарядами с островов и без боя с катерами.

В феврале 1990 года на танкере «Иман», несмотря на его непригодность к перевозкам людей, были эвакуированы члены семей военнослужащих ПМТО (21 женщина и 17 детей), так как обстановка вокруг базы ухудшалась с каждым днём. Все понимали, что попадание в танкер хотя бы одного реактивного снаряда вызвало бы немедленный взрыв и гибель всех. Но другого выхода не было. На этот раз обошлось, хотя вся база жила «на нервах», пока из Адена не пришло подтверждение о прибытии танкера.

Капитан первого ранга Геннадий Алексеевич Агеенко, заместитель командира 933-го ПМТО по политической части, так вспоминает об этом:

«Когда начались массированные обстрелы островов архипелага Дахлак и снаряды стали попадать на Нокру, близко к нашему городку, когда начались перебои с доставкой воды и продовольствия, командование ПМТО стало за-

прашивать Главный штаб ВМФ о возможности эвакуации женщин и детей, находящихся с нами на острове. Мы считали преступлением подвергать опасности родных и близких людей.

И в конце концов такое разрешение было получено: «Отправляйте!» — «А на чём?» — «На танкере!..» На этой «пороховой бочке», которую только недавно, перед заходом к нам, обстреляли реактивными снарядами...

Как на грех, при посещении судна одна из женщин нашла на палубе осколок снаряда и принесла в городок. Реакция других женщин была вполне предсказуемой. До этого мы просили, чтобы эвакуация семей с ПМТО проводилась пассажирским судном, но нам было отказано. Позже мы узнали, что гражданские экипажи просто не соглашались идти на Дахлак из-за постоянных обстрелов. Их можно было понять.

Женщины категорически отказались эвакуироваться на танкере и выдвинули своё требование — уйти только вместе с мужьями. Это поставило бы под угрозу весь план эвакуации базы. Три дня мы уговаривали женщин. В промежутках между работой с семьями мы выходили на связь с Москвой, чтобы обеспечить достойную встречу женщинам и детям по прилёте. Это ведь у нас была жара за сорок, а в Москве — морозы под тридцать. Там пообещали, что будут автобусы, тёплые вещи и, главное, финансист с деньгами.

Не знаю, как другие проводили эту последнюю на Дахлаке ночь. Я лично сидел как опустошённый, не было сил ни думать, ни спать.

В 5.30 встретились на пирсе. Посадка женщин и детей прошла организованно, и танкер, сопровождаемый артиллерийским катером АК-312, вышел в Красное море. Эфиопские ВВС обеспечили воздушное прикрытие. Мы долго смотрели с берега на удаляющийся танкер, увозивший самых дорогих людей».

14 мая 1990 года четырьмя катерами у острова Шума был атакован танкер Приморского пароходства «Интернационал», шедший в охранении морского тральщика «Разведчик». Тральщик прикрыл танкер своим бортом и выставил дымзавесу.

Катера эритрейцев открыли огонь из крупнокалиберных пулемётов и безоткатных 106-миллиметровых орудий. Командир «Разведчика» передал на эскадру сигнал: «Подвергся нападению. Вступил в бой». Тральщик дал полный ход и открыл огонь из кормовой артиллерийской установки, зениток и двух пулемётов ДШК, установленных на мостике, — из них вели огонь штурман лейтенант Дмитрий Самохвалов и старшина второй статьи Игорь Швец. В бой вступили и автоматчики из минной команды мичмана Николая Ледовских. Тральщик развил небывалую скорость в шестнадцать узлов, из трубы сыпались искры, во все стороны летели трассы огня. Старшина-радиометрист Александр Невзрачный поймал в прицел маневрирующий головной катер и вовремя нажал на гашетку орудийной установки.

Залп кормового орудия был точен — за кормой раздался мощный взрыв. Минуту спустя радиометрист доложил, что на экране остались только три уходящие цели. Бой продолжался восемь минут. На тральщике был ранен гидроакустик, стоявший за пулемётом. Корабль получил многочисленные мелкие повреждения и пробоины, на нём были перебиты некоторые кабель-трассы,

посечена мачта. Несколько пуль попали в центральный пост радиолокационной станции (РЛС), не нанеся особого вреда.

Об интенсивности огня говорит то, что за время боя тральщик израсходовал четыре с половиной тонны боезапаса из шести штатно имевшихся на борту. Стреляли из всех стволов, включая личное оружие. Двадцать человек из экипажа тральщика были представлены к наградам.

Настоящий подвиг совершил артиллерийский катер АК-312 Керченско-Феодосийской базы Черноморского флота, на котором с острова Нокра перевозили в Аден уволенных в запас матросов и старшин срочной службы для отправки в Севастополь на госпитальном судне «Енисей». Окружённый катерами сепаратистов, он, маневрируя на большой скорости и ведя ответный огонь, прорвал смыкающееся кольцо катеров и неожиданно для сепаратистов начал сбрасывать глубинные бомбы с взрывателями, поставленными на малую глубину. Взрывы бомб разнесли в щепки флагманский катер и подняли столбы воды перед другими. Остальные катера сразу отвернули и отстали, огрызаясь пулемётными очередями.

На обратном пути АК-312 в проливе Массауа-Восточный снова был перехвачен тремя уцелевшими катерами; отважный экипаж капитан-лейтенанта Н. Белого орудийным огнём уничтожил два из них, третий на большой скорости бежал.

Рассказывает матрос АК-312 Николай Заброцкий:

«Мы часто ходили в конвоях и, так как были быстрходнее тральщиков, то носились вдоль конвоя, сбрасывая дымовые шашки.

27 мая в 21.45 мы вышли на встречу с госпитальным судном «Енисей», взяв на борт 67 морпехов. Их разместили в кубриках личного состава, по 3–4 человека на койку, и в столовой. При выходе в море кондиционер вышел из строя, и внутри было очень душно.

Катер, помимо своих двух 30-миллиметровых пушек АК-230, имел два станковых пулемёта «Утёс» (один на баке, один на спардеке) и четыре ручных пулемёта ПК. Ранее была получена информация, что у сепаратистов появились самолёты. Поэтому на треногу одного «Утёса» наварили вертикальный кусок трубы для стрельбы по воздушным целям. Пулемётчиком на нём был командир отделения акустиков старшина второй статьи В. Круминьш.

Было очень темно. В 23.15 справа по курсу на траверзе острова Шума радиометрист засёк цель.

В 23.30 цель приблизилась на семь кабельтовых и обстреляла нас из «безоткатки» и пулемётов. Открыв огонь из пушки и пулемётов, мы эту цель уничтожили.

Во время боя труба, наваренная на треногу «Утёса», отломилась. Пулемёт Круминьша упал на мешки с песком, которыми была обложена пулемётная точка. «Утёс» сам по себе громоздкий и тяжёлый, а когда раскалён от стрельбы, его вообще нереально установить одному. Но Круминьш, уперев приклад в плечо, продолжал стрелять из лежащего пулемёта.

Из-за острова Шума вышли ещё четыре катера, которые на расстоянии пяти кабельтовых преследовали нас, не открывая огня. И тогда командир решил сбросить глубинные бомбы... Они-то и рванули перед головным катером...»

Всего катер АК-312 с ноября 1989 по май 1990 года выполнил 47 выходов на боевое патрулирование, осуществил проводку и конвоирование 60 кораблей и судов, 12 раз вступал в боевые столкновения с катерами противника.

В 1990 году охранявшая базу десантная группа черноморцев капитана второго ранга Горбачёва была сменена тихоокеанским десантным кораблём БДК-101 с десантной группой морской пехоты подполковника Филонюка, которой и предстояло впоследствии оборонять и эвакуировать базу.

В августе 1990 года тральщик «Разведчик» был сменён малым противолодочным кораблём-тральщиком «Параван». Всего «Разведчик» осуществил 29 проводок за тралом и конвоирование 52 судов. Одиннадцать раз конвои проходили под огнём.

19 октября конвой из двух больших десантных кораблей, тральщика «Параван», МПК «Комсомолец Молдавии» и танкера «Шексна» был обстрелян береговыми батареями с острова Асарка-Северная и мыса Кароли.

В ответ 76-миллиметровая артиллерия прямыми попаданиями уничтожила батареи. На их месте поднялся столб огня от взрыва склада боеприпасов. Командир корабля капитан третьего ранга С. В. Старый был награждён боевым орденом Красного Знамени. И в последующем комендоры «Комсомольца Молдавии» отличались точными попаданиями, за что корабль прозвали «злым молдаваном».

Пришедший на замену ему в декабре 1990 года черноморский тральщик «Дизелист» уже 19 декабря при конвоировании танкера «Шексна» (единственного источника воды и топлива для базы) уничтожил два из шести атаковавших конвой катеров.

Так вот и воевали.

По полученным разведданным, сепаратисты НФОЭ стали готовиться к десантной операции по захвату архипелага. Подобрав подходящий остров, они начали тренировки. Это было очень опасно: эритрейские войска имели большой боевой опыт и абсолютное превосходство в численности.

Командование базы приняло срочные меры по строительству дополнительных бомбоубежищ, запасного командного пункта и системы огневых позиций для круговой обороны, дополнив ранее имевшиеся.

Опорный пункт в срочном порядке был оборудован дополнительными траншеями, блиндажами и железобетонными огневыми точками, бомбоубежищами. Командный пункт базы был перенесён в подземелье. Использовали для полевых укреплений даже подручные материалы — металлические бочки, залитые бетоном. Известняк, из которого состоял остров, был очень твёрдый, и окапываться в нём было тяжело. Даже снаряды делали в нём только небольшие углубления. Капониры для боевой техники (танков и БМП) и пулемётные гнезда были обложены мешками с песком и камнями. Из личного состава базы были созданы нештатные подразделения для наземной и воздушной обороны

**Капитан второго ранга Г. А. Агеенко (слева),
старшина эфиопской роты охраны Махмуд
и майор медицинской службы Я. А. Демеев.
Остров Нокра, 1990 год**

**Комендоры кормового орудия
артиллерийского катера АК-312**

**Пулемётчики
артиллерийского
катера АК-312**

**Матросы малого
противолодочного корабля
«Комсомолец Молдавии».
Остров Нокра, 1990 год**

Советские корабли ПМ-129 и буксир РБ-105
в охране торпедного катера ТК-72 покидают
базу на острове Нокра. Февраль 1991 года

Капитан первого ранга
Г. А. Агеенко.
2000 год, Владивосток

— пулемётный и стрелковые взводы, по боевой тревоге занимавшие окопы и дзоты, и зенитчики с ПЗРК «Стрела-2» и «Шилками».

Были определены секторы ведения огня, проведена пристрелка личного оружия, огневые точки укомплектованы боезапасом. Спланировали различные варианты отражения десанта, провели учения с личным составом базы, отрабатывали взаимодействие с эфиопскими союзниками. Каждый матрос, мичман и офицер базы знали своё место по боевой тревоге, в «оружейках» стояли заряженные автоматы и пулемёты, подсумки с запасными магазинами, гранатомёты. Офицеры хранили оружие дома.

К ведению огня по суше были готовы и немногочисленные боевые корабли, включённые в систему обороны базы.

Положение в январе ещё более ухудшилось: к артиллерийским обстрелам добавились штурмовые и бомбовые авиаудары с самолётов МиГ-23, появившихся у сепаратистов, и ночные ракетные и пулемётные обстрелы с катеров. Участились демонстративные попытки высадок десантных групп под прикрытием ночных обстрелов.

С попытками высадки десанта боролись экипажи врытых в землю взводов танков ПТ-76 и Т-55 и шести БТР. Они открывали заградительный огонь по данным радиометристов с БДК, которые обнаруживали катера противника ещё далеко в море. Все нападения успешно отбивались. Но от снарядов береговых батарей спасения не было — они разбивали склады и жилые помещения, падали по всей территории базы и на соседние острова. Надо сказать, что эритрейцы старались сохранить для себя основные сооружения базы, поэтому огонь вёлся больше по позициям эфиопских войск и пирсам с эфиопскими катерами.

От потерь советских моряков спасал высочайший профессионализм офицеров морской пехоты, руководивших сухопутной обороной, дисциплина и организованность личного состава и командования базы. Не было ни одного случая паники и неподчинения приказам. Но эфиопские части прикрытия базы несли тяжёлые потери, было много раненых, которым оказывали помощь врачи ПМТО

во главе с начальником медслужбы майором Я. А. Демеевым. Достаточно сказать, что врачи базы под его руководством провели более трёхсот операций.

Командиры ПМТО капитан первого ранга Б. Пленков, а затем и капитан первого ранга А. Вялов неоднократно докладывали в Москву о дальнейшей нецелесообразности пребывания советского флота на Дахлаке, фактически вынужденного принимать участие в чужой гражданской войне, на базе, не рассчитанной на длительное ведение наземной обороны, уязвимой со всех сторон для десантов.

Кроме того, личный состав базы состоял из экипажей кораблей и вспомогательных судов, мастеров-ремонтников и снабженцев, не обученных тактике боёв на суше и не имевших боевого опыта. Вряд ли удалось бы долго удержаться трём сотням моряков и морских пехотинцев, сражаясь в полном окружении, имея ограниченный объём боеприпасов, тем более что противником выступали закалённые в боях эритрейские части, только недавно наголову разгромившие регулярную эфиопскую армию.

Но ответы Москвы на рапорты были отрицательными. Более того, моряков даже обвиняли в перестраховке и паникёрстве. Из Москвы-то оно, конечно, виднее...

ЭВАКУАЦИЯ БАЗЫ

В феврале 1991 года эфиопские войска в Эритрее были полностью разгромлены. На очереди были остатки эфиопских армейских частей и флота, закрепившиеся на островах архипелага Дахлак. Разведка докладывала о скоплении эритрейских войск и десантных судов в порту Массауа и на ближайших островах. Обстановка накалялась с каждым днём.

В Москве, осознав ситуацию, срочно приняли решение о передаче Эфиопии по остаточной стоимости сооружений базы и части имущества, которое уже невозможно было вывезти, и наконец-то решили эвакуировать ПМТО, существование которого уже не имело никакого военного значения. Для оформления договора в Аддис-Абебу прибыла группа офицеров во главе с первым заместителем Главкома ВМФ, адмиралом флота И. М. Капитанцем. После подписания договора была наконец разрешена и эвакуация ПМТО.

В 7 часов утра 4 февраля 1991 года началась (под видом очередной тренировки) экстренная погрузка личного состава и имущества на плавмастерские ПМ-129, ПМ-156, БДК-101, другие корабли, вспомогательные суда и баржи. Паники не было, всё проходило организованно, несмотря на близкие разрывы снарядов. Сказывались выучка личного состава и частые тренировки. Был спущен с мачты государственный флаг СССР. Эвакуацией до последнего момента руководили командир и замполит базы.

Эвакуация шла под постоянной угрозой обстрела с моря и берега и возможного перекрытия входа в бухту: стоило эритрейцам затопить на входе в бухту какую-либо баржу и поставить пару пушек — и флот был бы заперт и уничтожен. Многие из складского имущества и запасов базы пришлось просто оставить эфиопам, но штатное имущество было на корабли погружено полно-

стью. Последними опустевшую базу покинули бойцы Черноморского отряда противодиверсионной службы — шесть человек во главе с командиром, капитаном второго ранга Л. Губко.

В 11.30 корабли и вспомогательные суда отошли от причалов и встали на якоря на внутреннем рейде острова Дахлак бухты Мус-Нефит в ожидании приказа.

С кораблей эфиопского флота и с берега за эвакуацией с горечью следили чернокожие моряки и солдаты — теперь они оставались одни против многочисленного и жестокого врага.

Восемь дней, пока не было приказа на переход от Главкома ВМФ, адмирала флота Чернавина, наши моряки стиснув зубы наблюдали, как эритрейская береговая артиллерия и катера массированным огнём беспрепятственно обстреливают острова архипелага, как горят и тонут эфиопские корабли, как медленно затонул плавучий док, получив в борт два снаряда, как поднялось пламя над складами горючего. На базе сражались и гибли их недавние союзники — эфиопские солдаты и моряки.

Наконец был получен приказ на переход к месту дислокации 8-й оперативной эскадры — в Аден, и пылающий остров скрылся из виду, хотя зарево ещё долго было видно в бинокли. Конвой демонстративно и бесприцельно обстреливался береговой артиллерией (всплески ложились редко и далеко). В небе была эфиопская авиация, наносившая удары по батареям.

На переходе в Аден конвой попал в шторм, во время которого затонул плашкоут с пожарной машиной. Боевые корабли вернулись домой без потерь.

Так закончилась славная и драматическая история ПМТО советского Военно-морского флота в Эфиопии. Советский Союз, впрочем, пережил эту базу ненадолго.

Последующие события показали, что база была эвакуирована очень вовремя.

21 мая Аддис-Абебу покинул Менгисту Хайле Мариам, сбежав в Зимбабве. 28 мая оппозиционные войска вошли в столицу. Шестнадцатилетняя гражданская война закончилась. Остатки эфиопского флота ушли частично в Йемен, частично в Саудовскую Аравию.

Свято место, как известно, пусто не бывает. Ныне на двух островах архипелага Дахлак (Фатма и Дахлак Кебир) располагается база ВМС великого морского государства Израиль, полученная за израильскую поддержку при оккупации йеменского острова Эль-Кунейш. Там сейчас размещена РЛС для слежения за воздушным пространством Саудовской Аравии, Йемена и Судана и судоходством в Красном море. Ну что ж. Шолом, как говорится, алейхем!

А на нескольких островах (Диссеи, Дахрэт, Дур Гаам, Дур Гхела) теперь место отдыха туристов и дайверов со всего мира. Особенно привлекают дайверов затопленный плавучий док и затонувшие корабли эфиопского флота — как место обитания красивейших рифовых рыб и кораллов. Да ещё отлично сохранившаяся и постоянно действующая офицерская баня на двадцать человек, пользующаяся большой популярностью у нынешних туристов.

На одном из интернетовских сайтов по дайвингу красочно пишется: «Два крана бывшего плавающего дока поднимаются над уровнем моря в северном направлении между островом Нокра и Дахлак Кебир, в то время как остальная часть дока и затонувшие корабли служат местом обитания рифовых рыб, разновидностей кораллов и голубых и чёрных пятнистых скатов...».

СУДЬБЫ ЗАЩИТНИКОВ

Но база — не только склады, мастерские и корабли: это ещё и люди, её строившие, служившие на ней и защищавшие её с оружием в руках и, несмотря ни на что, не потерявшие ни одного бойца.

По «доброй» советской, а потом и российской традиции — «наказание невиновных и награждение непричастных» — большинство из этих людей не были награждены ничем (поскольку СССР к тому времени не существовал и советских наград уже не было, а российских ещё не придумали) и участниками боевых действий не признаны, поскольку на войну Министерством обороны СССР (Управлением по международному военному сотрудничеству) они официально не направлялись.

Только в 2009 году в Государственной думе был утверждён закон о признании военнослужащих, принимавших участие в конфликтах в Анголе, Мозамбике и Эфиопии, участниками военных действий.

ЭПИЛОГ

Я не ставил своей целью подробный и обстоятельный рассказ обо всех локальных конфликтах в тех жарких местах и о незаслуженно забытых их участниках. Это будущее дело профессиональных историков, имеющих доступ к засекреченным архивам. Там есть много такого, о чём и сейчас пока нельзя рассказывать. Я пишу лишь о том, что знаю сам, и то, о чём мне поведали участники этих событий — мои друзья, моряки Тихоокеанского флота, и очень благодарен им за их письма, фотографии и воспоминания, которые легли в основу этого повествования.

Писать об этом — мой личный долг перед ними (ушедшими и живыми) и перед Российским Военно-морским флотом.